

КОНСТРУИРОВАНИЕ ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.Д. Буцык

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. Россия, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

Статья посвящена феномену политической коммуникации с точки зрения специфики формирования в ней гендерной идентичности политика. Среди множества подходов особенно актуальным при изучении влияния гендерного фактора на речь политика представляется оформившийся в рамках когнитивной парадигмы научного знания дискурсивный подход и рассмотрение политического дискурса в качестве объекта исследования.

В работе анализируется содержательная сущность понятия политический дискурс и выдвигается предположение о том, что гендерный фактор имеет ряд манифестаций в политической коммуникации. Отмечается, что исследование специфики формирования гендерной идентичности политика в дискурсивных практиках становится всё более актуальным с увеличением значимости роли женщины в формировании политики государства и осознанием необходимости изучения женского фактора в видах деятельности, в течение многих столетий считавшихся прерогативой мужчин.

Автор обращается к истокам гендерологии и приводит основные этапы становления гендерных исследований, более подробно останавливаясь на теории социального конструирования гендера. Приверженцами данной теории постулируется тезис о том, что каждый индивид самостоятельно создаёт свою гендерную идентичность, конструируя гендерные отношения в процессе коммуникативной интеракции. Далее в статье рассматриваются некоторые приёмы конструирования имиджа мужественности и женственности известными английскими и американскими политиками. Маскулинность и фемининность как компоненты структуры гендерной идентичности оказываются моделируемыми параметрами, зависящими от прагматических установок коммуникантов. Традиционная андроцентричность политического дискурса может обуславливать модификацию женского стиля текстопорождения в сторону большей маскулинности для достижения коммуникативных целей.

Ключевые слова: политическая коммуникация, политический дискурс, политическая лингвистика, гендерный фактор, конструирование гендера, гендерная идентичность, маскулинность, фемининность.

Политическая речь как объект исследования привлекает внимание учёных, работающих в самых разных областях научного знания, таких как журналистика, социология, психология, философия и лингвистика. Во второй половине XX в. на пересечении политологии и лингвистики сформировалась новая гуманитарная наука, изучающая язык политики с точки зрения разнообразия и эффективности использования языка как средства манипуляции и борьбы за власть, – политическая лингвистика.

В сфере интересов лингвистов, разрабатывающих данное направление, входит установление связи между языком, властью и идеологией, контент-анализ политических текстов и поиск статистических закономерностей функционирования политического дискурса, исследование вербальных и риторических стратегий в политической деятельности и т.д. При этом в зависимости от цели исследования политическая коммуникация может рассматриваться с разных позиций. Предварим наше описание особенностей конструирования гендерной идентичности в политическом дискурсе анализом политической коммуникации в целом и попробуем выделить подход, наиболее актуальный с точки зрения изучения гендерного аспекта.

В своём исследовании «Семиотика политического дискурса» Е.И. Шейгал отмечает знаковый характер политической коммуникации, выделяя в особую категорию язык *политики*, который представляет собой знаковую систему, образующую семиотическое пространство политического дискурса [1]. А.Н. Баранов также развивает идею о *политическом языке* как реализации отдельной знаковой подсистемы, используемой в рамках политической коммуникации с целью выработки и принятия политических решений в современном плюралистическом обществе [2].

Существование таких широко используемых современными лингвистами терминов как «научный язык», «разговорный язык» и др. делает возможным выделение особого языка и в сфере политической коммуникации, однако вопрос о правомерности использования данного термина в отношении по сути одной из лексико-фразеологических подсистем современного литературного языка остается дискуссионным. С точки зрения П.Б. Паршина, язык политики чаще всего не выходит за рамки грамматических и лексических норм идиоэтнических языков, а в фокусе исследования политической лингвистики находится *идиополитический дискурс*, или «способы говорения, характерные для субъектов политического действия» [3].

В.И. Карасик выдвигает тезис о том, что политическая речь является *разновидностью статусно-ориентированного (институционального) общения*, выделяемой на основании статусно-ролевых характеристик коммуникантов (политик – избиратели), цели общения (сохранение или перераспределение власти), прототипного

места общения (парламент)[4]. При более широком подходе политическая коммуникация не ограничивается рамками социального института, в котором общение является составной частью организации, но также включает и формы неинституционального общения, как форма общения, ориентированная на оказание влияния и распределение власти в обществе и, следовательно, открытая для всех членов этого общества. Е.И. Шейгал определяет границы политической коммуникации на основании принадлежности субъекта, содержания сообщения либо адресата к сфере политики.

Представляется, что для изучения гендерного фактора наиболее релевантным является оформившийся в рамках когнитивной парадигмы научного знания дискурсивный подход, развиваемый в работах Т. ван Дейка, Е.И. Шейгал, М.Л. Макарова, Е.Г. Беляевской, В.В. Богданова и др., и рассмотрение *политического дискурса* в качестве объекта исследования. Для обоснования актуальности дискурсивного подхода остановимся более подробно на понятии дискурс. Ввиду сложности и многомерности коммуникативного явления, называемого *дискурсом*, в лингвистике существует огромное количество его определений. Классической признаётся дефиниция Н.Д. Арутюновой, согласно которой под дискурсом понимается «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и др. факторами; дискурс — это речь, "погружённая в жизнь" [5]. Е. Г. Беляевская определяет дискурс как текст в реальном времени, который, помимо письменных или устных языковых форм, отражающих содержательную сторону речевого сообщения, включает в себя также экстралингвистические параметры, такие как ассоциативный фон, знания о мире, мнения и т.д., без которых невозможно адекватное формирование и понимание текста. [6].

Как следует из приведённых выше определений, дискурс включает в себя не только текст, но и контекст, который берётся в широком понимании и включает помимо лингвистических экстралингвистические и прагматические параметры, в том числе ситуацию и участников общения. Иными словами, дискурс отражает зависимость создаваемого речевого произведения от совокупности установок, фоновых знаний, представлений и интенций адресанта и адресата, а также их возрастных, статусных и гендерных характеристик.

Политический дискурс также представляет собой многомерное коммуникативное явление и, как отмечает Е.И.Шейгал, включает процесс, то есть «текущую речевую деятельность в определённом социальном пространстве», и результат – тексты, или речевые произведения, рассматриваемые с учётом совокупности лингвистических, паралингвистических и экстралингвистических факторов. При описании систематизирующих признаков политического дискурса исследова-

тель выделяет такие черты, как институциональность, дистанцированность, авторитарность, театральность и динамичность. Схожие характеристики мы находим в статье В.З. Демьянкова «Политический дискурс как предмет политологической филологии» [7], а именно: оценочность и агрессивность, повышенная критичность и «пламенность», превалирование «сверх-я» и т.д.

Итак, руководствуясь дискурсивным подходом, мы можем предполагать, что гендерный фактор имеет ряд манифестаций в политическом дискурсе, который, в свою очередь, обладает собственной спецификой, определяющей речевое поведение коммуникантов. Изучение особенностей речевого поведения политика, который рассматривается как языковая личность, представленная мужчиной или женщиной, становится одной из актуальных исследовательских задач не только политической лингвистики, но и гендерологии, рассматривающей языковое поведение через призму гендера, который, согласно А.В. Кирилиной, понимается как социокультурный пол, сформированный в процессе «встраивания» индивида в модель мужественности или женственности, существующую в современном ему обществе [8].

Особый интерес со стороны нескольких дисциплин к вопросу о гендерных особенностях коммуникативного поведения языковой личности в политическом дискурсе, на наш взгляд, связан не только с растущей открытостью современного общества к сфере политики, но и с увеличением значимости роли женщины в формировании политики государства и осознанием необходимости изучения женского фактора в видах деятельности, в течение многих столетий считавшихся прерогативой мужчин. Если в прошлом коммуникативные стратегии в политическом дискурсе изучались безотносительно гендера, то сегодня всё чаще поднимается вопрос о специфике формирования и проявления гендерной идентичности политика в дискурсивных практиках.

Интересно, что впервые разграничение мужского и женского стиля и стратегий коммуникации отмечалось ещё до оформления гендерной лингвистики как науки, в работе датского лингвиста О. Есперсена «Язык, его природа, развитие и происхождение» [9], вышедшей в свет в 1922 г. Основываясь на своих наблюдениях, Есперсен сформулировал ряд различий между «мужским» и «женским» языками, таких как употребление женщинами эвфемистических выражений, рафинированного, незасорённого языка, а мужчинами – большого количества сленговых выражений и неологизмов.

Позже, во второй половине XX в., в Германии и США возникло движение феминистская лингвистика, рассматривавшее отношения дискриминации и доминирования в языке. Основопологающей работой по феминистской критике языка стала опубликованная в 1975 г. работа американской исследовательницы Р. Лакофф

«Язык и место женщины» [10], в которой впервые был использован термин «женский» язык и подробно разработаны мужские и женские тактики речевого поведения. Как пишет Лакофф, для мужских тактик характерны напористость и директивность, в то время как «женская речь» отличается супервежливостью, частым использованием эвфемизмов и аффективных прилагательных, разделительных вопросов, что, по мнению автора, имплицитно выражает неуверенность женщин при высказывании собственного мнения и т.д.

Выводы Р. Лакофф, также как и О. Есперсена, были подвергнуты критике со стороны ряда лингвистов, указывающих на недостаточное рассмотрение в их работах расовых, этнических, возрастных и статусных параметров, которые также влияют на коммуникативное поведение говорящего. Тем не менее, общий тезис о существовании «мужского» и «женского» варианта языка породил огромное количество дальнейших исследований в этой области.

В 80-е гг. XX в. в рамках теории социального конструирования гендера К. Уэст, Д. Зиммерман и Дж. Батлер развивают идею о том, что именно социокультурные условия формируют поведенческие особенности и обуславливают то или иное речевое поведение. В процессе коммуникативной интеракции конструируются гендерные отношения (doing gender), в которых каждый индивид самостоятельно создаёт свою гендерную идентичность. Современными исследователями гендерная идентичность чаще всего определяется как результат восприятия и отождествления себя индивидом с определённым полом, что проявляется в соответствующих формах поведения и личностных характеристиках (Э. Аппельбаум, Дж. Лорбер, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина). Особый интерес при изучении гендерной идентичности представляет специфика её формирования и проявления в различных видах социального взаимодействия, например, в сфере политической коммуникации.

Формирование и манифестация гендерной идентичности в политическом дискурсе во многом предопределяется его спецификой, которая, как упоминалось выше, заключается в таких чертах, как авторитарность, дистанцированность и агрессивность. Данные особенности политической коммуникации требуют от самих политиков проявления лидерских качеств, решительности и харизмы. Очевидно, что благоприятным качеством в имидже мужчины-политика в таком случае является мужественность, конструирование которой в коммуникативных практиках осуществляется в комплексе разнообразных приемов, к примеру, в использовании ключевых эпитетов. В своём исследовании «Гендер в британской и американской лингвокультурах» [11] Е.С. Гриценко приводит пример предвыборной речи Джона Керри на съезде Демократической партии в Бостоне в 2004 г., где ключевым эпитетом, фигурирующим в разных

■ Мировая политика

контекстах более 15 раз, было слово «сильный» (strong): “tomake America stronger at home and respect edin the world”; “And Iwillbuilda stronger Americanmilitary”; “we need to lead strong alliances” [12]. Таким образом, красной нитью, проходящей через все обращение Дж. Керри к избирателям, является мысль о том, что он имеет твердую политическую позицию и чёткие планы по руководству страной, направленные на усиление её положения на международной арене.

Помимо эпитетов, современные исследователи политического дискурса выделяют такой прием конструирования маскулинности как *эмфатизация агентивности*, проявляющаяся в частом использовании в роли субъекта предложения местоимения I («я») и псевдо-инклюзивного we («мы»), референтом которого, по сути, является говорящий.

В противовес маскулинности, с позиции женщины-политика, часто оказывается выигрышным следование гендерным нормам и акцент на женственность. Например, Хилари Клинтон в своих речах часто употребляет при упоминании о себе такое слово как *mother*: “I’m very proud to be called the mother of the U.S.A. Pavilion” [13]; “Aproudmother. AproudDemocrat. AproudAmerican” [14]. Основной целью повторения лексемы *mother* является скорее не указание на социальный статус, а создание имиджевого эффекта борца за права женщин.

С другой стороны, специфика политической коммуникации делает следование только «женственной» стратегии неэффективным. В связи с этим перед женщиной-политиком стоит сложная задача компиляции черт мужского и женского стиля в политических выступлениях. Ярким примером успешного конструирования имиджа «женщины-политического лидера в социальном контексте, характеризующимся институционализированным сексизмом» [15] служит стиль Маргарет Тэтчер. Известно, что будущей первой женщиной премьер-министру Великобритании пришлось прибегнуть к помощи профессиональных инструкторов, чтобы понизить тон голоса и темп речи, так как изначально её слишком высокий голос и быстрая речь ассо-

цировались с излишней эмоциональностью. В результате Тэтчер добилась того, что её вежливый, но твердый тон стал звучать «по-государственному».

Резюмируя, можно сказать, что маскулинность и фемининность как компоненты структуры гендерной идентичности являются моделируемыми параметрами. Гендерное самопозиционирование в политическом дискурсе может подвергаться модификации в зависимости от прагматических установок коммуникантов. В целом можно выделить две основные формы конструирования гендера в политическом дискурсе:

- *Нормативное конструирование* – следование гендерным нормам, т.е. представлениям о том, какая модель поведения, в том числе речевого, характерна и уместна для женщины или мужчины;

- *Манипулятивное конструирование* – эксплуатация гендерных стереотипов в форме эмфатизации либо нивелирования личностных характеристик, обусловленных гендером.

Итак, в настоящей статье мы рассмотрели:

- 1) современные подходы к исследованию политической коммуникации,
- 2) особенности дискурсивного подхода и специфику политического дискурса,
- 3) становление гендерных исследований и способы представления гендерной идентичности в политическом дискурсе.

На основании проанализированного материала мы можем сделать предположение о том, что андроцентричность политического дискурса с точки зрения сложившихся социальных установок может обуславливать маскулинизацию женского стиля текстопорождения в угоду достижения коммуникативных задач. Политику-женщине важно создать образ сильного руководителя, но при этом сохранить те женские черты, которые высоко ценятся в обществе. Основным детерминантом выбора вербальных средств в речи политика служит сам дискурс с его жёстко заданными параметрами, обусловленными прагматическими установками на завоевание поддержки избирателей независимо от пола.

Список литературы

1. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. 326 с.
2. Баранов А.Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом // Человек. 1997. №6. С. 108–118.
3. Паршин П.Б. Об оппозиции системоцентричности и антропоцентричности применительно к политической лингвистике // Диалог: электронный научный журнал. – 2000. – №1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/229.htm> (дата обращения 25.07.2014).
4. Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
5. Арутюнова Н.Д. Дискурс. Лингвистический энциклопедический словарь / Ред. Ярцева В.Н. М., 1990. С. 136–137.
6. Беляевская Е. Г. Когнитивные параметры стиля // Вопросы когнитивной лингвистики. -2010. № 1. С. 22–30.

7. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – М.: ИНИОН РАН, 2002. №3. С. 32–43.
8. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999. 189 с.
9. Jespersen O. Language. It's Nature, Development and Origin. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1925. 448 p.
10. Lakoff R. Language and Women's Place / R. Lakoff New York: Harper and Row, 1975. 83 p.
11. Гендер в британской и американской лингвокультурах : Монография. / Е.С. Гриценко, М.В. Сергеева, А.О. Лалетина и др.; под общ. ред. Е.С. Гриценко. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. 224 с.
12. John F. Kerry Address Accepting the Presidential Nomination at the Democratic National Convention in Boston// The American Presidency project. July 29, 2004 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25971&st=kerry&st1=> (дата обращения: 1.04.2015)
13. Hillary Rodham Clinton, Secretary of State "U.S. Institute of Peace"//The American Presidency project. March 7, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/185402.htm> (дата обращения: 1.04.2015)
14. Hillary Clinton's Speech at the Democratic National Convention // The American Presidency project. Aug. 26, 2008 [Электронный ресурс]. Режим доступа:<http://abcnews.go.com/Politics/Conventions/story?id=5663211&page=1> (дата обращения: 1.04.2015)
15. Fairclough N. Language and Power. – London; N.Y.: Longman, 1989. 259 p.

Об авторе

Буцык Елизавета Дмитриевна – преподаватель кафедры английского языка №1 МГИМО (У) МИД России.

E-mail: l.butsyk@ya.ru

CONSTRUCTION OF GENDER IDENTITY IN POLITICAL DISCOURSE**E.D. Butsyk**

Moscow State Institute of International Relations (University), 76 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract: *The article regards the phenomenon of political communication from the perspective of the particularities of constructing gender identity by politicians. As far as the influence of the gender factor on politicians' speech is concerned, the most relevant approach among many others is the discourse approach formed within the paradigm of cognitive linguistics, which considers political discourse as the object of study.*

The paper deals with the notion of political discourse and examines a hypothesis that gender factor might have a number of manifestations in political communication. It is noted that studying the specificity of constructing gender identity by politicians in discursive practices is becoming a highly topical issue as the importance of female participation in public and political life is growing. Political decision-making has long been considered the prerogative of men, but now the necessity of studying the female factor in this sphere is obvious.

The author dwells upon the historical background of linguistic gender studies and summarizes the main stages of their development focusing mainly on the theory of the social construction of gender. The founders of this theory advance the thesis that an individual's gender identity is shaped in the process of constructing gender relations in communicative interaction. Further in the article we analyse a few devices of creating the images of masculinity and femininity by famous English and American politicians. As structural components of gender identity, masculinity and femininity turn out to be modifiable parameters depending on the pragmatic attitudes of communicators. Traditional androcentrism of political discourse may account for modifying the female speech style towards masculinity to achieve certain communicative aims.

Key words: political communication, political discourse, political linguistics, gender factor, constructing gender, gender identity, masculinity, femininity

References

1. Sheigal E.I. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse], Moscow, ITDGG «Gnozis», 2004. 326 p.
2. Baranov A.N. Politicheskii diskurs: proshchanie s ritualom [Political discourse: farewell to ritual]. Chelovek – Man, 1997, no. 6, pp.108-118.

■ **Мировая политика**

3. Parshin P.B. On the opposition between system-centrism and anthropocentrism. *Dialog*, 2000, no. 1. Available at: <http://www.dialog-21.ru/Archive/2000/Dialogue%202000-1/229.htm> (Accessed 25 July 2014).
4. Karasik V.I. O tipakh diskursa [On types of discourse]. *Iazykovaia lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs: Sb. nauch. tr.* [Proc. "Linguistic identity: institutional and personal aspect"], 2000, no. 1, pp. 5-20.
5. Arutiunova N.D. Diskurs. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Discourse. Linguistic encyclopedia]. Ed. by Iartseva V.N. Moscow, 1990, pp. 136–137.
6. Beliaevskaia E. G. Kognitivnye parametry stilia [Cognitive parameters of style] *Voprosy kognitivnoi lingvistiki- Issues of cognitive linguistics*, 2010, no. 1, pp. 22-30.
7. Dem'iankov V.Z. Politicheskii diskurs kak predmet politologicheskoi filologii [Political discourse as an object of study of political philology]. *Politicheskaiia nauka – Political science*. Moscow, INION RAN, 2002, no.3, pp. 32-43.
8. Kirilina A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty [Gender: linguistic aspects]. Moscow, Institute of sociology RAN, 1999. 189 p.
9. Jespersen O. *Language. It's Nature, Development and Origin*. L.: George Allen & Unwin Ltd., 1925. 448 p.
10. Lakoff R. *Language and Women's Place* / R. Lakoff New York: Harper and Row, 1975. 83 p.
11. Gender v britanskoi i amerikanskoi lingvokul'turakh : Monografiia. [Gender in American and British cultures, Monogr.] E.S. Gritsenko, M.V. Sergeeva, A.O. Laletina, Ed. by E.S. Gritsenko. Moscow, FLINTA, Nauka - Science, 2011. 224 p.
12. John F. Kerry Address Accepting the Presidential Nomination at the Democratic National Convention in Boston // The American Presidency project. July 29, 2004. Available at: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=25971&st=kerry&st1=> (Accessed 1.04.2015)
13. Hillary Rodham Clinton, Secretary of State "U.S. Institute of Peace" // The American Presidency project. March 7, 2012 Available at: <http://www.state.gov/secretary/rm/2012/03/185402.htm> (Accessed 1.04.2015)
14. Hillary Clinton's Speech at the Democratic National Convention // The American Presidency project. Aug. 26, 2008 Available at: <http://abcnews.go.com/Politics/Conventions/story?id=5663211&page=1> (Accessed 1.04.2015)
15. Fairclough N. *Language and Power*. – London; N.Y.: Longman, 1989. -259 p.

About the author

Elizaveta D. Butsyk – teacher of English Department №1 MGIMO University, Moscow, Russia.
E-mail: l.butsyk@ya.ru